

Наталья ПЕРЦОВА, Николай ПЕРЦОВ

Заметки о синтаксических аномалиях у Хлебникова

Синтаксическая неология Хлебникова привлекала не столь пристальное внимание исследователей его поэтического языка, как словотворчество.

Вопрос о синтаксических аномалиях у Хлебникова впервые поставил еще при жизни поэта Р. О. Якобсон, наметивший их типы в знаменитой брошюре 1921 г. «Новейшая русская поэзия...»¹: синтаксическая метатеза («Обвита страусом пера» — вместо «пером страуса»); контаминация («Ворча, реветь умолкнут пушки» — «умолкнут и при этом перестанут реветь»); нарушение согласования («Синий лен сплести хотят / Стрекоз реющее стадо»); неправильное управление падежами и предлогами («По лесу виден смутный муж»; «За гриву густую зверя / Впились, веря, ручки туже»; «Они кажутся засохшее дерево»; «Они прослыли голубки»); «творительный ограничения» («Устами белый балагур»; «Глазами бледными лукав»); «нарушение синтаксического равновесия» у однородных членов, при котором они «качественно неэквивалентны» («Глядит коварно, зло и рысью»); деепричастие или полное причастие в роли сказуемого («Ты весь дрожишь? Ты весь дрожа?»); «Люди, когда они любят, / Делающие длинные взгляды / И испускающие длинные вздохи»).

Примеры отклонений от языковых норм у Хлебникова sporadически представлены в изданной более сорока лет назад книге В. Ф. Маркова о поэмах Хлебникова². В ней Марков говорит о «неправильной грамматике» (*wrong grammar*) Хлебникова, о его «неправильных словах» (*wrong words*), о «двойном значении» (*double meaning*). Марков так характеризует феномен хлебниковского «неправильного слова»: «Хлебников иногда прибегает к неправильному слову, которое странным образом не кажется неуместным. Это напоминает сон, когда человек видит, скажем, необыкновенно странную женщину и тем не менее убежден, что это его жена».

Обзор специфических черт хлебниковского синтаксиса, синтаксических «вольностей» поэта можно найти у В. П. Григорьева в его описании идиостиля Хлебникова³.

Необычайный интерес с точки зрения педалирования синтаксически аномальной конструкции и синтаксического параллелизма представляет собой стихотворение 1911 года:

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И выпускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин — жар любви горничной Волконского.

В этом стихотворении главные предложения лишены глаголов в личной форме, а в повторяющемся придаточном выступает единственная личная форма глагола *любят*; в качестве сказуемых выступают полные формы действительных причастий; подлежащие «охватывают» четырех представителей Вселенной: люди, звери, солнца, боги. Стихотворение представляет собой верлибр, но при этом четко распадается на четыре строфы из трех строк, каждая строфа соответствует одному классу представителей Вселенной. И каждая строфа, кроме последней, строится по единой аномальной синтаксической модели: 1-я строка начинается с подлежащего во мн. числе, за которым следует придаточное *когда они любят*; 2-я строка начинается со сказуемого — действительного причастия, согласованного с подлежащим в первой строке; 3-я строка начинается с союза *и* и аналогичного причастия. Полное причастие, в норме не могущее быть сказуемым, обладает тем самым более низким синтаксическим рангом, нежели личная форма глагола: такое причастие, в отличие от личной формы, не может формировать независимое предложение. У Хлебникова же этот синтаксический запрет нарушается, и каждая строфа подана, с одной стороны, статично как именная группа с определяющим причастным оборотом, а с другой — как аномальное предложение с причастием-сказуемым. И эти аномальные протяженные причастные обороты выполняют двойственную роль: с одной стороны, будучи интерпретируемыми как определения, они подчеркивают некую статусность того, что обозначено начальными существительными в строфах, выдвигая эти объекты на передний план, точнее — выдвигая на передний план

людей, зверей, солнц и богов в состоянии любви; с другой стороны, будучи интерпретируемыми как сказуемые, они наделяют подлежащие динамикой. Из этого диалектического противостояния статики и динамики возникает величественная картина любви во Вселенной, которая начинается с людей и к ним же возвращается: любовь богов сравнивается с любовью «солнца русской поэзии», как было сказано в первом некрологе Пушкина на следующий день после его кончины.

Примечателен житейско-поэтический контекст этого стихотворения: в творческой биографии Хлебникова оно окружено другими стихотворениями, педалирующими синтаксический параллелизм. Мы имеем в виду четыре стихотворения, написанные в 1911 г.⁴: «Сон — то сосед снега весной, / То левое непрочное правительство в какой-то думе»; «Когда умирают кони, дышат»; «Когда рога оленя поднимаются над зеленью...»; «Слоны бились бивнями так...». К этим стихотворениям примыкает другой верлибр — «Па-люди» 1912 г. — с двумя сериями синтаксически параллельных конструкций. В случае синтаксического параллелизма, проявленного в этой серии стихотворений, мы имеем нечто аналогичное варьированию на других языковых уровнях — в морфологии и фонетике. При морфологическом варьировании один и тот же корень приобретает разнообразные облики, как это мы наблюдаем в «Заклятии смехом», построенном на варьировании корня смех / смеј; при фонетическом или графическом варьировании то же относится к нагнетанию слов, начинающихся с одного и того звука или буквы; у Хлебникова таких примеров много. Синтаксический же параллелизм, наблюдаемый в указанной серии стихотворений начала 10-х годов, являет собой варьирование на уровне синтаксиса: одна и та же конструкция варьируется посредством разных лексических наполнений.

Один из примеров синтаксической аномалии предоставляет стихотворение 1912 г.: «Ночь, полная созвездий, / Какой судьбы, каких известий / Ты широко сияешь, книга? / Свободы или ига? / Какой прочесть мне должно жребий / На полночь широком небе?» Во второй и третьей строках фрагмент с вопросительными словами «Какой судьбы, каких известий» синтаксически относится к слову книга, которое является обращением, обращение же не может быть, во-первых, подвергнуто вопросу, во-вторых, быть дистанцировано от подчиненной ему синтаксической группы. В этом стихотворении выход в космическое пространство-время как бы поддерживается «выходом» из синтаксических норм языка. Отметим также синтаксическую неоднозначность в последней строке стихотворения, где временное слово полночь соединено с пространственными прилагательным и существительным: полночь может быть осмыслено либо как окказиональное наречие, указывающее на момент, когда

проявляется широта неба («в полночь»), либо как форма существительного полночь, обозначающее аспект (или атрибут), которым характеризуется широта неба (наподобие выражений широкий в плечах, широкий душой); при втором осмыслении мы имеем дело с метафорой, порождаемой «творительным ограничением», упоминавшимся выше. Полночное время, становясь атрибутом звездного неба, раздвигает небесное пространство⁵.

Нарушение сочетаемости у Хлебникова нередко подразумевает некоторое неназванное в тексте слово, т. е. порождается своего рода синтаксическая контаминация — наподобие его морфологических словообразовательных контаминаций типа мластелин («младой властелин»), младыка («младой владыка») и т. п.⁶ Такое часто происходит в случаях подчинения глаголу «неправильного» предлога: «Лицо от терниев холя, / Сияли мехом соболя» («Внучка Малуши»). Деепричастие глагола холить здесь «заимствует» управление отсутствующего глагола защищать. Тот же глагол подразумевается в строках «Качала Вила хворостиной / От мошек, мушек и стрекоз» («Вила и леший»). Отличие от морфологической контаминации состоит в том, что в морфологии оба компонента оставляют следы в новообразовании, а в синтаксисе один компонент назван, а другой подразумевается.

Другим примером синтаксической контаминации может служить управление инфинитивом в строке «И изнемогли хотеть хотыки...» («Немотичей и немичей...»): глагольная форма изнемогли подразумевает глагол устать, управляющий инфинитивом; здесь наблюдается также словообразовательная контаминация: хотыка = хотеть + владыка.

Во фрагменте из «Зверинца» «Где орел жалуется на что-то, как усталый жаловаться ребенок» на прилагательное «усталый» переносится свойство управления инфинитивом всё от того же глагола «устать» (одновременно со сравнением орла с ребенком сообщается о том, что орел также устал от своих же жалоб).

В ранней балладе «Мария Вечора» встречаем такие строки: «И опять взмахнул живой / Ношей мчащийся погони». В комментариях к ним в первом томе последнего собрания сочинений отмечается синтаксическая аномалия сочетания мчащийся погони, которое в данном контексте должно пониматься так — «всадник, мчащийся от погони». В комментарии здесь усматривается опущение предлога от, однако более отвечает духу Хлебниковской неологии другая трактовка: словоформа «мчащийся» заимствует архаическое управление родительным падежом от глагола «бежать» — «бежать погони»; сравним с концовкой баллады «Алчак»: «А юноша... он не случайно / Бежит любезного венца...» Аномальный причастный оборот substantiveвается и дает подлежащее — «мчащийся погони».

Следует сказать, что феномен синтаксической контаминации не всегда сопровождается нарушением синтаксических норм. Например, в строке из «Алчака» «Срыватель ясный во сне одежд...» подразумеваемое выражение «сокол ясный», взятое из цыганских песен, контаминируется с деталями любовной сцены.

Сочетаемостьные ограничения нарушаются у Хлебникова и в составе именных групп, например: «Она уйдет к глазам сутулым»; здесь у прилагательного «мерцает» окказиональное значение «опущенный». В строках «Засох соловьиный дол / И гром журавлей» («Азия») вторая именная группа подразумевает, конечно, гром соловьев.

По словам Ю. Н. Тынянова, Хлебников «существовал поэтической свободой, которая была в каждом данном случае необходимостью». «Взрывая языковое молчание», будетлянин в своем языкотворчестве выходил за пределы слова и преодолевал синтаксические «оковы» языка. Нарушая сочетаемостьные ограничения, предписываемые грамматикой, он нередко создавал новые смыслы, добивался новых художественных эффектов. В своих синтаксических вольностях великий поэт раздвигал семантико-синтаксические границы языка, подобно расширению его словообразовательных границ при неологии.

